

чески обусловленная ограниченность и превращала положительные программы в „хилиастические мечтания“. Основой, сущностью их было требование равенства всех людей. Но это требование отличалось от требований равенства в позднейшее время, т. е. не было осознанным выражением потребности „реальной общественной группы“ и выдвигалось „вообще не как положительный принцип общественного порядка, а как принцип отрицательного равенства всех людей перед богом“.¹ Вот как характеризует Энгельс понятие равенства раннего христианства: оно „знало только одно равенство для всех людей, а именно — равенство первородного греха, что вполне соответствовало его характеру религии рабов и угнетенных. Наряду с этим оно, в лучшем случае, признавало еще равенство избранных... Следы общности имущества... объясняются скорее сплоченностью людей, подвергавшихся гонениям, чем действительными представлениями о равенстве“.² Именно так трактовали равенство и средневековые ереси, основывавшиеся на книгах раннего христианства.

На общем фоне выделяется лишь Мюнцер, лишь ему Энгельс дает совершенно иную оценку: хотя и Мюнцер не свободен от хилиастических мечтаний раннего христианства, однако „у Мюнцера эти коммунистические намеки впервые становятся выражением потребностей реальной общественной группы; у него впервые они формулируются с известной определенностью; начиная с него, мы встречаем их снова во всяком большом народном потрясении, пока они постепенно не сливаются с современным пролетарским движением...“.³

И в этом отношении Ф. Косого нельзя поставить рядом с Мюнцером (во всяком случае судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам), хотя его ересь также являлась отражением идеологии определенного общественного класса — крестьянства. Что эта была именно крестьянская, во многих своих выводах революционная, „рабья“ ересь, было отмечено уже его противниками-современниками. Учение Косого было ответом закрепощаемого крестьянства и холопства на классовую политику самодержавного государства.

И все же положительная программа Косого не могла быть чем-либо другим, как только мечтаниями. Причина этого кроется в положении и сущности крестьянства как класса в XVI веке. Ведь программа Мюнцера шла так далеко потому, что была выражением интересов не только крестьянства, но и плебейства. Плебейство и дало программе Мюнцера ее далекий прицел и вместе с тем большую определенность. Вот что говорит Энгельс о положении плебеев:

„Плебеи в это время были единственным классом, стоявшим совершенно вне официального общества. Они стояли вне как феодальных, так и городских связей. У них не было ни привилегий, ни собственности, ни даже отягченного тяжелыми повинностями владения, которое существовало у крестьян и мелких горожан. Они были во всех отношениях неимущи и бесправны; условия их жизни даже не соприкасались с существующими учреждениями, которые их совершенно игнорировали. Они были живым симптомом разложения феодального и цехового городского общества и в то же время предшественниками современного буржуазного общества.“

¹ М. М. Смирин. Народная реформация Томаса Мюнцера, стр. 44.

² Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Гос. изд. полит. лит., 1950, стр. 97—98.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 131.